

Архимандрит Тихон
(Агриков)

У ТРОИЦЫ

ОКРЫЛЕННЫЕ

Тихон Агриков

У Троицы окрыленные

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51735744

У Троицы окрыленные / Архимандрит Тихон (Агриков): Сатисъ;

Санкт-Петербург; 2007

ISBN 978-5-7868-0063-1

Аннотация

Эти воспоминания написаны мной в результате наблюдения за жизнью хороших людей. Написаны для того, чтобы показать, что и в наше время были и есть люди, которые всей душой стремятся к Богу, к Вечной жизни, к Горнему, блаженному Иерусалиму, что и теперь люди добрые спасаются и достигают высокой духовной зрелости и даже святости...

Архимандрит Тихон (Агриков)

Содержание

Часть I	5
От автора	5
Введение	9
Ученый владыка	27
Кроткий батюшка	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Архимандрит
Тихон (Агриков)
У Троицы окрыленные
Воспоминания**

*По благословению
ВЛАДИМИРА*

Часть I

1950–1955 гг.

От автора

Эти воспоминания написаны мною в результате наблюдения за жизнью хороших людей. Написаны для того, чтобы показать, что и в наше время были и есть люди, которые всей душой стремятся к Богу, к Вечной жизни, к Горнему блаженному Иерусалиму. Ведь теперь многие говорят, что нам будто и не спастись: времена стали не те, суета застилает наши очи, как утренний туман, благодати не стало нигде – ни в монастырях, ни в храмах, ни в людях. И так многие говорят – и только себе вредят, уныние нагоняют, и туман печали еще больше сгущается над нашими душами. А ведь так говорить не только вредно, но и грешно. Правда-то правда, что наши времена трудные и туманные, и даже бурные и грозные, но ведь в бурю-то и Господь ближе к грешной и немощной душе – и ближе, и милостивее, и нежнее. Как мать бывает нежнее и внимательнее к ребенку больному и худенькому, так и Господь наш Спаситель ближе к нам в трудные и опасные времена.

Вот я и хочу в своих воспоминаниях со всей ясностью по-

казать, что и теперь люди добрые спасаются и достигают высокой духовной зрелости и даже святости. В них описывается жизнь людей, монашествовавших в Доме Святой Троицы – в Лавре Преподобного Сергия Радонежского – на протяжении пятнадцати лет: с 1950 по 1965 гг., то есть в период моего личного наблюдения благодатной жизни под священным кровом Сергия Преподобного. Спешу оговориться, что это не сочинение, и даже не художественное повествование. Нет, это просто-напросто воспоминание о добрых, хороших людях, с которыми я вместе жил, молился, трудился, радовался, скорбел, плакал, утешался. Тем более, что они живут в моем сердце и доселе. Они, эти добрые отцы и братья мои по духу, уже скончались, их нет больше в земном Доме Святой Троицы. Они переселились к Троице Небесной, вечно сияющей, вечно озаряющейся радугами небесных сияний. Они сейчас там, куда мы поднимаем свои печальные, заплаканные взоры. Но дела их добрые еще живут, помнятся в священных стенах Сергиевой Лавры. Для того чтобы об этих делах узнали и другие верующие люди, я пишу эти воспоминания. «У Троицы окрыленные» – так они называются. Это название имеет символический смысл, разъяснение которого читатель найдет дальше – во введении.

А сейчас скажу только о том, что эта книга разделена на три части. В первой части (1950–1955 гг.) описана жизнь восьми дивных мужей; во второй части (1955–1960 гг.) раскрываются судьбы тринадцати старцев-тружеников и в тре-

твѣй части – одиннадцати человек. Всего в книге дается жизнеописание тридцати двух человек.

Ко всему этому добавлю: пусть читатель не смущается и не обижается на меня из-за скудости сведений об указанных лицах. Тем более что я не имею намерения описывать полную биографию того или иного старца. Это мне не под силу. Да и сведений таких теперь «с огнем» не найдешь.

В своих воспоминаниях я коснусь только последних лет жизни этих людей, то есть того времени, которое они провели в земном Доме Святой Троицы у Преподобного Сергия. Вот об этих последних годах их жизни, не касаясь детства и юности, я расскажу моим добрым читателям.

Хочется сказать, что я никакой иной цели не преследую, когда пишу эти воспоминания, кроме одной, самой заветной, самой святой, самой высокой, – сколько-нибудь помочь моим милым и дорогим читателям озариться светлым стремлением *к небесной жизни, окрылиться, согреться* благодатным теплом от святых людей, которые, как и мы все, совсем еще недавно жили с нами, ходили, страдали, терпели, радовались, унывали, а вот теперь их нет уже среди нас, они ушли, воспарили в иной мир. Хочется, чтобы читатель хорошенько понял суету этой земной жизни и с большим стремлением и энергией взялся за спасение своей души. Если эти мои бедные строки коснутся близко чьей-либо души, если они вызовут в каком-либо сердце горячее желание спасения, если они вызовут в чьем-либо взоре слезы умиления и ти-

хлеба и соли. Пусть мои добрые дела и благодеяния – цель моих дневных и ночных трудов будет достигнута, и лучшей награды мне никакой не надо.

Введение

Была тихая лунная ночь. Дремучий бор как бы заснул, задремал. Только высокие сосны тихо покачивали своими шапками, показывая тем, что лес бодрствует, что он не спит в эту дивную таинственную ночь. На опушке темного леса приютилась маленькая келейка; она кажется совсем крошечной по сравнению с могучими соснами и елями. Келейка скромно прижалась к лесу, как бы боясь, чтобы кто ее не увидел, не обнаружил. В маленьком одиноком окошечке светил огонек. Знать, и здесь кто-то бодрствовал, не спал в такой поздний неурочный час. Огонек то замирал, как бы угасая, то снова его слабый свет отражался на сучьях и ветвях старого леса. Лучина... Да это даже и не свеча восковая, а простая древесная лучина, тихо потрескивая, бросала свои дымные лучи на древние листы Священной Псалтири и на склонившегося над ней отшельника. Кто этот подвижник, что так одиноко и напряженно проводит свою жизнь? Он уже не молод. Пряди седых, как снег, белых волос падали на его старческие худые плечи. Он читал, стоя на коленях, весь углубившись в молитву. Мертвая тишина царила в убогой келейке. Временами он поднимал седую голову и устремлял свой взор на древнюю икону Богоматери. Долго молился так старец, и казалось, что он никогда не кончит своей уединенной молитвы. Видимо, велика была его просьба; о чем-то большом и

значительном, наверное, просил он Царицу Небесную. Она тихим Материнским взором смотрела на молящегося старца, и казалось, вот-вот раскроются Ее девственные уста, Она поспешит утешить Своего угодника. Старец чувствовал своею душою, что Она его слышит, и оттого новые обильные теплые слезы бежали по его худым старческим ланитам.

Вдруг за окном негромкий крик: "Сергий, Сергий!". Старец насторожился. «Господи, Иисусе Христе... – тихо шепчут его бесцветные уста. – Знать, опять супостаты нарушают тишину этой святой ночи. Как это им неймется, беззаконникам», – думает подвижник. "Сергий, Сергий!" – будто еще ближе, прямо под самым окном, зовет мягкий и тихий голос. Луч яркого света, точно молния, озаряет окрестность. И в убогой келейке становится совсем светло. Старец чувствует, что этот луч проник даже в его сердце, и оно заиграло, озарилось неизъяснимой радостью, блаженством. Он встает, тихо подходит к маленькому окошечку и... открывает его... «Сергий, услышана молитва твоя о твоих учениках, – снова несется голос. – Как при тебе, так и после тебя их будет так много, как вот этих голубей...». Старец не верит своим глазам: в лучах небесного света летают голуби – их так много, так много, будто весь огромный лес наполнен ими! И какие же это дивные голуби! «Нет, это не простые голуби, – думает старец, – это ангелы небесные, потому такие прекрасные и неопишуемые». И белые, как чистый яркий снег, и сизые, как небо, и нежно-оранжевые, как цвет благоухающей

розы. Разных цветов голуби. Порхают, летают, играют и все будто стремятся поближе к келии Преподобного. Сергей не мог наглядеться на это дивное небесное видение. Он пошел тихонечко к другой келии, что глубже спряталась в лесной чаще, и позвал архимандрита Симона. Когда они вернулись, видение стало исчезать, и вскоре лес, келии и люди погрузились в прохладную ночную темноту...

С тех пор минуло около шести столетий. Сколько святых людей, этих земных ангелов, этих дивных кротких «голубей», воспитал, окрылил Дом Святой Троицы – обитель Преподобного Сергия! Преподобные Никон, Дионисий, смиренный Михей, Симон, Исаакий – и возможно ли их перечесать, записать, или описать, или о них рассказать?.. Как звезды на ночном тихом небе, сияют дивные имена учеников Сергиевых.

Недаром он в ту священную ночь так горячо молился, не напрасно он о своих учениках проливал горячие слезы.

За 600 лет немало грозных бурь перенесла святая обитель Сергиева. Волны бурных кровопролитий, междоусобиц, вражды, глада, моровой чумы яростно бросались на вековые столпостены монастыря. Не один раз она была палима огнем, не один раз опустошаема. Временами камня на камне не оставалось от древней святыни. Но вновь и вновь она поднималась из пепла, как таинственная птица Феникс, чтобы жить, светить, согревать, окрылять все новых и новых учеников Сергия Преподобного. Как могучий маяк среди жи-

тейского моря, стоит эта твердыня и доныне, сокрушая, отражая силы зла.

В нашу сложную эпоху святая обитель Живоначальной Троицы также понесла немало испытаний. Она была просто закрыта. Опечатана. Хранилась как *памятник древней культуры*. И так было много лет. Тем не менее и в эти годы свет благодатный не переставал излучаться от сокрытого под спудом могучего светильника. Очевидцы говорят, что тропочка к святым мощам Сергия Преподобного никогда не зарастала в эти печальные годы – ни летом, ни зимой. Одинокие богомольцы просачивались чрез закрытые двери обители и тихо-трепетно шли к восточной стороне Троицкого собора, где покоились святые мощи *Великого Печальника* Русской земли. Говорят, что, подходя к стене, люди тихо плакали. Они прикладывались благоговейно к белому камню, как бы к самой раке Преподобного Сергия, и, испрося его благословения, так же тихо удалялись.

Пришлось мне видеть одну престарелую монахиню, которая в это время жила недалеко от закрытой святой обители. Она и в снежную пургу и в дождливую ночь, и в самое непроходимое ненастье всегда тихонечко ходила к Сергию Преподобному за благословением. И вот однажды заболела и несколько дней провела безвыходно дома. Ночью, когда она лежала в своей келии, вдруг слышит: кто-то тихо отворяет дверь (а дверь была закрыта на крючок, потому что час был поздний)... Входит старец-тихий, кроткий. Сделав

от двери три шага, он остановился. Обращаясь к испуганной монахине, ласково спросил: «Что же ты, матушка, перестала навещать меня? Ведь когда вы подходите к стенке, я благословляю в окошечко». Сказал и тихо скрылся, как и пришел. Поднявшись с колен, она долго плакала от радости, а через несколько лет и рассказала мне об этом. Так благодать Святой Троицы чрез Преподобного Сергия никогда не переставала изливаться на души близких и дальних учеников Сергиевых.

А еще хочется рассказать о чудесном случае, который совершился при открытии Лавры Преподобного Сергия в 1945 году. Было всем известно, что Лавру открывают. Настоятель святой обители архимандрит Гурий (позднее митрополит) получил из Москвы разрешение служить на праздник, кажется, Святой Троицы. Но колокола на колокольне не было, чтобы звонить к службе. Тогда дано было указание поднять большой колокол на колокольню. Поставили спешно леса, подкатали лебедку, натянули тросы и колокол стали поднимать. Но тут неожиданно отца Настоятеля вызвали в Москву, и он срочно выехал. Рабочие целый день маялись, поднимая колокол, и никак не могли его поднять до места. Они десять раз и больше спускали колокол к земле, потом снова тянули его кверху. Колокол доходил до половины пути и дальше не хотел идти. Никакая сила не могла его втащить выше. Тросы были стальные, узлов нигде не было, но колокол никак не хотел подниматься выше. Десять раз и больше он доходил

до определенного места и останавливался, как прикованный. Рабочие выбились из сил и не могли понять, в чем причина этого несчастья. Наступил вечер, и настоятель возвращался из Москвы. Он издали увидел, как колокол медленно шел, шел – и остановился. Ему сказали, что рабочие целый день бьются с колоколом и не могут его поднять на место. Архимандрит Гурий молча вышел из машины и быстро направился в свою келию. Войдя, он сотворил молитву и накинул на себя епитрахиль, надел поручи. Потом взял требник и прочитал в нем молитву *«На поднятие колокола»*. Не успел он закончить этой молитвы, как со стороны двора раздались радостные крики. Наместник глянул на колокол: тот медленно и торжественно уже доходил до окна колокольни, где его приняли несколько рук и втянули внутрь. Так был поднят колокол и открыта Лавра.

Скажу вам о той непреложной истине, довольно утешительной не только для иноков сей святой обители, но и для всех верующих людей, которые молитвенно связаны с Лаврой Преподобного Сергия, посещают ее, исповедуются у лаврских духовников: Преподобный Сергий и их считает своими чадами, учениками. И они ему очень милы и дороги, и за них он непрестанно возносит свои молитвы к Богу. Уместно здесь вспомнить случай, происшедший в Лавре в недавнее время.

Одна глубоко верующая девица, питающая горячую веру и любовь к Сергию Преподобному, в большой скорби прие-

хала в святую обитель. Она хотела излить здесь свою скорбь знакомому ей иеромонаху-духовнику, но тот, как нарочно, к этому времени приболел и не пришел исповедовать. Убитая двойным горем девушка пошла в Троицкий собор, спряталась за колонку храма и стала горько-горько плакать. В порыве острого душевного горя она стала даже роптать на Преподобного, что он отнял у нее последнюю опору в жизни и ей нет возможности поведать кому-либо свои скорби.

Так она плакала и плакала за колонкой, по временам печально бросая свой взгляд на священную раку угодника Божия.

Вдруг она отчетливо заметила, что священная рака неожиданно подернулась белой дымкой, точно облако или белый покров взметнулся над гробом Преподобного. Вслед за этим сам Сергей Преподобный поднялся из раки и тихо, как бы скользя по воздуху, направился к скорбящей девице. Девушка перепугалась и упала вниз лицом на пол. Она дрожала от страха всем телом и не могла даже молиться.

Но вот чувствует она, будто легкая рука опустилась на ее голову, и вслед за этим послышался мягкий голос: «Не скорби так сильно, дитя мое; когда некому поведать, то я сам принимаю ваши скорби».

Как ни страшно было девушке в эту минуту, но от слов самого Преподобного она не могла сдержаться и навзрыд заплакала, вздрагивая всем телом. Окружающие успокаивали ее, не зная причины ее крайнего расстройствa, она же никого

не хотела ни видеть, ни слышать, только слова Преподобного звучали в ее ушах: «Не скорби, дитя мое... Я сам принимаю ваши скорби».

Успокоившись, она встала. Неопиcуемый мир и неземная радость наполнили ее душу. Ни на кого не глядя, она тихо вышла из Троицкого собора...

Да, Сергей Преподобный всех почитает своими учениками: не только свою монастырскую братию, но и всех, всех, к нему приезжающих со всех краев матушки Руси. А с каким нетерпением он ждет к себе богомольцев, отечески помогает им преодолеть все препятствия и приехать во святую Лавру помолиться, исповедаться и причаститься Святых Тайн Христовых! Одна убогая старушка долго-долго собиралась посетить святую обитель Сергея Преподобного, но все никак не могла собраться. То старческая немощь ей не позволяла, то погода: зимой – снег, пурга, летом – дождь, слякоть; но вот все-таки собралась к Троице. «Как же, бабуся, поедешь? – говорили ей соседи. – Да еще и попутчика у тебя нет». «Нет у меня, милые, нет никого, – крестясь, говорила старушка. – Знать, сам Сергей Преподобный мне поможет добраться».

Взяла она свою ветхую котомочку, сучковатый посох, перекрестила широким крестом трижды дверь своей покосившейся хатки и тихо вышла на дорогу. Не успела она шагнуть и пяти шагов, как сзади затарахтела телега. Ехал мальчик, видимо, в районное село, вез жбаны с молоком. «Бабуся, ты до поезда? Садись, довезу», – произнес он участливо. «Да,

касатик, до поезда», – ответила старушка и, крестясь, забралась на повозку. Всю дорогу она сидела и тихо шептала молитву, да все удивлялась, как это скоро Сергей Преподобный послал ей доброго попутчика. Проехали они так без малого пятнадцать верст и, когда нужно было сойти, она спросила мальчика: «Как же тебя зовут, милый?» – «Сережа», – улыбаясь, ответил тот. «Сережа, Сережа», – тихо повторила старушка, что-то соображая, и, поклонившись, побрела к поезду.

Не сделала она и здесь больше десяти шагов, как догоняет ее молодой военный. «Бабуся, а бабуся, ты на поезд? Я помогу тебе сесть». Она не успела и опомниться, как военный почти внес ее в двери вагона и усадил на свободной полке. А народу-то, народу сколько было! Где бы ей, старой да немощной, сесть в поезд! Она ехала и все всматривалась в молодое и доброе лицо военного. Ехать им пришлось вместе целый день. Когда уже под вечер военный стал собираться выходить, она тихонечко дернула его за рукав и сказала: «Спасибо тебе за все, милый; как же твое имя-то?» – «Меня зовут Сергей Сергеевич, – ответил тот. – До свидания».

Старушка долго не могла опомниться от этих слов. «Боже ты мой, – тихо шептала она, – там Сережа, здесь Сергей Сергеевич. Знать, сам Сергей Преподобный, что ль, везет меня к себе». Но ее неотвязчиво беспокоила мысль: как же она теперь найдет святую обитель, ведь наступает осенняя ночь, идет дождь за окном, а монастырь-то, говорят, далеко

от станции... Сидит она и тихо молится: «Сергий Преподобный, не оставь ты меня, помоги мне добраться до твоей обители святой». Народ засуетился: поезд подходил к Загорску. На дворе темень, дождь, грязь. Подходит почтенный мужчина, не то доктор какой, не то священник: «Бабушка, ты, видимо, к Преподобному едешь, да совсем одна, пойдем, я доведу тебя». – «Да как же, сынок, ты сам-то?» – пыталась говорить старушка. «Меня здесь ждет машина, – успокаивал ее благодетель. – Я тебя на машине прямо в монастырь доставлю». Ее усадили на мягкое сиденье, и она, как следует еще и не опомнившись, мигом оказалась в святой обители. Когда она выходила из машины, ее добрый благожелатель помогал ей, а потом сказал: «Матушка, а ты помолись обо мне у Преподобного». – «А как твое...» – заикнулась старушка. «Меня зовут отец Сергей, я священник...».

Был канун большого праздника. Трапезная церковь была открыта для богомольцев. Старушка стояла в уголочке храма и... слезы, слезы, обильные слезы ручьем текли из ее старческих глаз. «Батюшка, Сергей Преподобный, – неслышно шептали ее уста, – ты сам, знать, всю дорогу ехал со мной...».

После этого рассказа как не радоваться всем нам, что Преподобный и ждет нас к себе, и помогает нам приехать во святую его обитель. Поэтому, когда мы даем нашим воспоминаниям название «У Троицы окрыленные», то имеем в виду не только тех добрых иноков, которые подвигами поста и молитвы «окрылились» и духовно возросли под кровом Преподобного.

добного Сергия, но и всех верующих – чад его, рассеянных по всему лицу земли русской, и не только русской, но и других славянских и восточных православных народов: болгар, румын, сербов, арабов... Сыны этих народов учатся здесь, в нашей Московской Духовной Академии, и питают к Преподобному Сергию самые благоговейные святые чувства.

Когда я пишу эти воспоминания, то сердце мое прямо-таки разрывается от стеснившегося желания: как хочется, чтобы каждая душа христианская, дорогая, милая душа, купленная бесценною Кровию Христовой, и особенно та, которая поручена мне Самим Господом, – *окрылилась*, окрепла, воспрянула духом, питаясь молитвами Преподобного Сергия! Чтобы ни один человек, хоть раз в жизни посетивший Сергиев монастырь, не погиб в сетях вражеских, но чтобы как можно больше людей спаслись и достигли Вечной жизни.

Эти строки мне приходится писать в дни отдания Святой Пасхи и Вознесения Господа нашего Иисуса Христа на Небо. Щемит сердце: чувство скорби охватывает его. Печаль учеников Христовых от их разлуки с Возлюбленным Учителем как-то передается сердцу. Господь вознесся на Небо к Своему Отцу, а ученики остались одни среди злого, грешного мира. Окрыленные надеждой ниспослания им обетованного Святого Духа, они все-таки страдали душой оттого, что любимого Господа с ними нет. Они Его больше не видят своими глазами, хотя невидимо Он обещал быть с ними до окончания века. Это чувство *разлуки* волнует и мое бедное серд-

це. Мысль переносится на тех, с которыми Господь соединил меня духовными узами. Их нет здесь со мной. Они рассеяны по разным краям. Что сейчас там с ними? Какие скорби и опасности обуревают их дорогие души? И как Господь обещал невидимо быть всегда со Своими учениками, так и меня утешает сознание невидимой постоянной молитвенной духовной связи с дорогими мне душами. Нужно сказать, что сила страдания в разлуке тесно связана с силой любви. Если сердце умеет много любить, то оно и много страдает, а если сердце мало любит, то ему и страдания любви совсем непонятны. Свт. Иоанн Златоуст дня не мог прожить один, без своей паствы, и когда заболел физически и не мог быть в Храме, дома он мучился, тоскуя и страдая, как мать, у которой отняли ребенка.

Но мысль моя идет дальше. Я с ужасом вспоминаю об иной разлуке, о разлуке не временной, но вечной, когда там, в загробном мире, грехи разлучат нас друг с другом навсегда. Я не могу спокойно писать эти строки. Жгучие слезы застилают мне глаза. Боже мой, можно ли перенести такое состояние!.. Под силу ли оно человеческой душе? Но вечная разлука друг с другом непременно ведет к другому ужаснейшему состоянию. Трепет, ужас охватывает душу. Цепенеет кровь в жилах, мысль отказывается осознавать – это вечная разлука с Господом... Святые отцы не знали и не ведали более ужасной мысли, как представление о вечной разлуке с Господом. Они были готовы нести все муки, страдания, скорби, даже

соглашались быть заключенными в глубине ада, преисподней, но только бы и там быть не отлученными от Господа. Я немножко пишу об этом для того, чтобы мы боялись греха, как яда. Ибо грех нас ведет сначала к временной, а потом и к вечной разлуке друг с другом и с Господом.

«...Помяни стадо свое, еже сам упасл еси, и не забуди посещати чад своих. Моли за ны, отче священный, за дети своя духовныя...», – неумолкаемо слышится этот вопль скорбящих душ пред священной ракой Сергия Преподобного. И мы верим, что он слышит эти молитвы, и они не напрасны.

Я хочу выразить во введении еще одну важную мысль, побудившую меня писать эти воспоминания: мысль о неизбежности и неизвестности смерти. Ведь все эти люди, подвизавшиеся последние дни своей жизни под кровом Преподобного Сергия, умерли в разном возрасте. Одни из них – престарелые, другие – средних лет. Иные молодые, а есть и совсем юные послушники. Это положение призывает нас всех никак не медлить в своих подвигах спасения. Не откладывать на будущее время, мол, еще успею, покаюсь, подготовлюсь. Это великая ошибка, которую внушает нам диавол, стремясь погубить наши души. Я вот даже сейчас прихожу в трепет от воспоминания, как один наш молодой послушник как ни в чем не бывало пошел отдохнуть в свою келию среди бела дня, и часом спустя его нашли уже похолодевшим, лежащим недвижимо на своем бедном келейном одре. Поэтому, когда мы говорим об *окрыленных* душах, воспаривших от Троицы

земной к Троице Небесной, имеем в виду людей разных лет жизни – и молодых, и старых, и юных, и престарелых, – чтобы этим напомнить себе о непрестанной готовности к смерти, к загробной жизни. И среди нас есть молодые, есть пожилые, есть здоровые, есть больные, и для всех тайна *перехода* совсем неизвестна: когда Господь позовет, в какой день и час? Поэтому *блаженны всегда бодрствующие* (Мф. 25, 1–13) и неунывающие, борющиеся и неослабевающие. Враг – диавол – не дремлет. Он, как лев, рыкая, ходит, ища, кого поглотить.

Вспомнился один случай из моей жизни, который как нельзя лучше говорит о непримиримой злобе врага к нам и о нашей постоянной готовности к смерти.

Однажды в тихий солнечный день шел я по двору нашей Лавры. Была полная тишина. Все братия после службы отдыхали в своих келиях. Небо было сине-голубое и очень ясное, легкий ветерок гнал белые, как чистый пух, облака. Вдруг вверху, над головой, что-то зашумело, засвистало, жалобно застонало, точно сильный порыв вихря в зимнюю ночную пору. Я не успел поднять головы, как пред глазами блеснуло что-то снежно-белое и... ударилось о каменную дорожку. Боже мой! На камнях лежал, распростершись крыльями, необыкновенно белый голубь, точно ангел светозарный слетел с неба. На белых перышках груди зияла смертельная рана. Он был мертв...

Я остановился как вкопанный и невольно поднял вопро-

шающий свой взор к небесам... Прямо над головой, на порядочной высоте, кружился хищник. Он медленно делал круг и черной точкой уходил все дальше и дальше... Я почувствовал, как по моим щекам одна за другой покатались слезы и упали на невинную чистую жертву. Жаль было бедного беззащитного голубя. Но как бесконечно жаль те милые и безгранично дорогие души, которые по своей беспечности бывают так же беззащитны, так же неожиданно смертельно убиваемы коварным и вечно озлобленным душеубийцей и врагом нашего спасения – дьяволом!.. Тогда я особенно почувствовал себя обязанным не покладая рук трудиться и молиться за всех, кто мне так дорог и за кого я должен отдать не только свои силы и здоровье, но и самую жизнь. А как ярко этот случай говорит нам о неожиданной кончине нашей земной жизни!

Прежде чем закончить свое введение, чтобы оно наиболее полно раскрыло моему любезному читателю главную тему всего сочинения, предложу еще один рассказ-воспоминание, который вплотную, как я думаю, и приведет нас к главному описанию.

Дело-то все в том, что тема этой книги – окрыленные и на небо вознесенные, и о них я буду писать дальше. Но мне хочется привести маленький пример того, как сюда, к Преподобному Сергию, приезжают души умученные и почти убитые или же еще младенческие и неоперившиеся и получают душевные и вместе физические силы, окрыляются по молит-

вам Преподобного Сергия и затем вновь улетают в неведомые края, в нелегкую и опасную земную жизнь.

Одна совсем больная девушка приехала во святую обитель. Хотя была тихая и ясная погода, она шла и почти падала, как клонится и падает былинка от дыхания ветра. Девушка была семнадцати-восемнадцати лет, маленькая ростом. Бледность ее лица показывала довольно плохое состояние здоровья, а потухший взор говорил о безнадежности, о потерянной молодой жизни. Она совсем птенец, выброшенный из теплого гнезда. Неоперившаяся крошечная птичка среди бурных волн жизни.

Но вот ее стали часто видеть в Троицком Соборе. Она обычно стояла в тени колонны и внимательно вслушивалась в пение молебна. Как много нового увидела и услышала она здесь! Точно совершенно иной мир открылся ей на земле святой обители Сергия. Она видит, она чувствует живую силу, какую-то новую жизнь, доступную и ей, заброшенной, больной, обманутой. Несколько дней она молилась или не молилась, а просто присматривалась к этой новой жизни.

И вот однажды, когда чредной гробовой иеромонах особенно четко и прочувствованно читал акафист Преподобному Сергию, она неожиданно почувствовала, что плачет. Стыд-то какой, нелепость – плакать, когда кругом чужие люди! Да она ни разу в жизни ни от чего не плакала. Сколько ей пришлось претерпеть обид, горечи, неправды, унижений – она никогда не плакала. Нет. А вот теперь плачет. Отчего,

почему? Да и слезы эти такие сладкие, радостные... Отчего это они такие? А когда иеромонах стал читать Святое Евангелие и дошел до того места, где Господь говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные» (Мф. 11, 28), – бедная девочка прямо зарыдала вслух. Было слышно, как слова срывались с ее дрожащих уст: «Господи, Господи, где же Ты был, как же я Тебя не знала раньше? Как мало я прожила, но как много сделала зла, и Ты зовешь меня к Себе...».

После этого видели ее причастницей. Она была необыкновенно тиха, кротка и светла, как ясный день. В потухших ранее глазах теперь загорелась новая жизнь. Даже бледные ланиты покрылись розовым румянцем. Когда ее осторожно спросили: «Как тебе, Лида?», она помолчала, незаметно смахнула незваную гостью-слезу и тихо-тихо, как-то стесняясь, ответила: «Я ведь не знала, что так хороша жизнь с Господом... Несколько раз я пыталась покончить с собой, но вот...» – она запнулась. Волнение охватило ее сердце. Слезы радости обновленной жизни заструились по ее щекам. Плакали и люди, старушки утирались кончиками своих головных платков. Девушки, чтобы не заплакать, стыдливо отворачивались.

Успокоившись, Лида твердо сказала: «У Преподобного я вновь возродилась, я окрылилась... Я теперь опять лечу в мир, чтобы загладить грехи прежней своей жизни». И, воодушевленная, укрепленная силой Божией, *окрыленная*, она

со слезами покинула святую обитель Сергия Преподобного и... улетела... Где она сейчас, эта бедная одинокая птичка? В какие края занес ее бурный ветер жизни?..

Вот и все. Кончилось мое введение. Теперь пойдет главное сочинение о душах, у Троицы окрыленных и в горный мир вознесенных.

Ученый владыка Архимандрит Вениамин (Милов) (1887–1954)

*Монахов множества наставника ты
почитаем, отче наш Сергие: твоею бо
стезю воистину право ходити познахом...
(Стихира Преподобному Сергию)*

Тихой утренней звездой явился Сергей Преподобный на благодатном церковном небосводе. И как на бурном море мореплаватели направляют свой корабль на правильный путь, руководствуясь небесной звездой, так на бурном житейском море благодатная тихая звезда Радонежского смиренного подвижника вела к Небесному Иерусалиму многие, многие души. Они добровольно избрали стезю Преподобного Сергия и по этой узкой, но правильной тропе поднимались к духовным высотам. Бесконечно счастливы те люди. Презирая дольняя, они всей душой искали горняго. Возлюбив Господа Иисуса Христа, они возлюбили и тот тесный, но спасительный путь, который Он, наш Спаситель, указал во Святом Евангелии.

Вот пред нами тихой смиренной поступью проходят сонмы святых апостолов, мучеников, святителей, преподобных, праведных – и сколько, сколько их... Они идут, еле касаясь

земли, идут через века, через поколения. Какие они счастливые! Сколько в них света, сколько тепла, радости, надежды... Идут они и тихо манят и нас за собой... «Монахов множества наставника тя почитаем, отче наш Сергие...».

И раньше, и теперь, и в будущем, и до скончания века евангельская стезя Преподобного Сергия не зарастет. Это мы видим своими глазами, видим, удивляемся и... прославляем Промыслителя Бога, так дивно все устрояющего к нашему спасению. Так дивно, предивно и премудро...

Нет лучшего счастья на земле, чем испытать духовное возрождение, обновиться душой для новой святой жизни, на своем опыте почувствовать радость богообщения. Нет большего счастья под солнцем, чем познать на себе красоту жизни в Боге и твердыми ногами встать на стезю заповедей Божиих. А самое высокое и превысокое счастье – прожить остаток дней своей земной жизни благочестиво и богобоязненно и увенчаться венцом нетленным, венцом вечной награды на Небесах. Именно об этом счастье и сказал святой апостол Павел, когда писал к своему ученику Тимофею: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды...» (2 Тим. 4, 7–8).

Тихим ранним утром я встал на братский молебен. Многие семинаристы еще спокойно спали, но кое-где койки уже были аккуратно заправлены, и одинокие фигурки уже спешили в учебные аудитории, чтобы на свежую голову повторить урок. На дворе был утренний майский полумрак. Ти-

хая заря победно шла от востока и прогоняла ночную мглу. В Троицком соборе мягко мерцали лампы. Точно звездочки в далеком небе, звали, манили они к себе. «Господи, – шептали невольно уста, – как же близок Ты и прекрасен в этой утренней тиши! Точно любящая мать, нежно питаешь Ты душу, которая тянется к Твоей ласке и любви...».

Закончился братский молебен, и студенты Духовной Академии по одному-по два спешат в свою школу. Начинается учебный день. Войдя в здание школы, слышу звонок к утренней молитве. Высокий, строгий, с несколько добродушной улыбкой на устах, ходит по спальням отец Инспектор, подгоняя учащихся не опаздывать. Голос его, густой и приятный баритон, слышится то там, то здесь. Вот он подходит к одному воспитаннику, который как-то вяло и неловко прибрал свою постель. Опытный глаз отца Инспектора сразу отмечает причину. «Ты, дружок мой милый, болен, – мягко говорит он юноше, – лучше отдохни, а если что, то и доктора пришлю». Студент виновато улыбается и беспомощно опускается на стул. «Вот так, дружок мой милый, а потом ляг да еще полежи». Отеческая доброта глубоко трогает юношу, и он глазами, полными слез, смотрит на удаляющегося Наставника. Так начинается безмерно трудный день у архимандрита Вениамина (Милова), инспектора Московской Духовной Семинарии и Академии.

Но позволю себе вернуться несколько назад. Открытая еще в 1946 году в Москве, в Новодевичьем монастыре, Ду-

ховная школа переживала целый ряд трудностей. Особенно не хватало помещений для учащихся. Например, где проводились занятия, там же и кормили студентов. Общежития наши большей частью были подвальные.

Вспоминаю 1948–49 учебный год. Год довольно трудный, сложный, особенно для меня. Пройдя тяжелый путь военной жизни, побывав не один раз на волосок от страшной смерти, пережив все страхи и муки войны, я, по великой милости Божией, вернулся под родительский кров, а вскоре потом попал и под кров Преподобного Сергия.

Особенно мне запомнился сам момент прихода в Духовную школу. Я об этом вспоминаю потому, что это был поворотный этап в моей жизни. Причем так явно действовал здесь Промысел Божий, что дивно и трепетно вспоминать об этом. Вот уже минуло около двадцати лет, но я как сейчас помню эти исторические дни в моей личной жизни.

Я приехал в Москву по вызову от Академии. Помню как сейчас: шел я по улицам Москвы и спрашивал Большую Пироговскую улицу. Одет я был в военную форму: темная шинель с петлицами танкиста, высокая армейская фуражка с блестящим козырьком, офицерские темные брюки и солдатские сапоги. Словом, вид мой был особенный, солидный. Причем в одной руке чемодан среднего размера, а в другой – сетка с огромнейшим арбузом. Этот большущий арбуз я купил на одной из станций, кажется, в Мичуринске, купил просто для того, чтобы угостить московских студентов, да и

начальников, сладким волжским арбузом. Оценив мой представительный вид, прохожие москвичи охотно указывали направление по моему адресу. Так я добрался до Новодевичьего монастыря. Помню, как первый раз в жизни переступил я порог возрожденной Московской Духовной школы. Священный трепет охватил мою душу. Самое место – Новодевичий монастырь, его зубчатые стены и башни – вызывало глубокое чувство удивления и возносило душу ввысь. Было тихое летнее утро. В храме шла Божественная Литургия. Кстати хочу пояснить, что хотя это место и называется *Новодевичий монастырь*, но там ни монахов, ни монахинь никаких не было. Службу совершал старенький, но довольно представительный священник (потом я узнал, что это был Ректор школы протоиерей отец Сергей Савинский; теперь он уже скончался).

Постояв в притворе некоторое время, я поспешил представиться дежурному надзирателю и сообщить о своем прибытии. Помню, вначале мой внешний вид вызывал у дежурного опасения, но потом он принял меня очень вежливо и душевно. Так как я прибыл в школу одним из первых, то мне без особых затруднений выделили койку (помню, за печкой), где я и расположился. Арбуз свой я сразу разрезал. Он был очень спелый и сладкий. Часть его я отнес дежурному (он любезно принял и поблагодарил), часть раздал студентам. Да еще большая часть его осталась до следующего раза. Словом, этот арбуз мы ели несколько дней. Очень большой был.

Поступив в Духовную школу на второй год ее открытия, я вначале жил в Трапезном храме, где проходили службы. Вернее, в восточной его части был сам храм, а в западной – помещения для воспитанников. Помещения были неважные, темные, загроможденные. Койки стояли очень близко одна от другой. Все было бедно, убого.

Так началась моя новая, студенческая жизнь. На занятия и в храм я так и ходил в военной форме. (Потом я узнал, что ребята, да и начальство, считали меня офицером Советской Армии.) Учился я упорно, не жалея сил. Особенно трудно давался мне русский язык. Хотя я от рода являюсь русским человеком, но вот по чистописанию и разбору частей речи я почти всегда получал двойки. Самое большее – это «два с половиной». По другим предметам у меня были четверки и даже пятерки, но вот по русскому языку – обязательно были двойки. Это потому, что в школе-то я учился очень давно, прошло более двадцати лет, все правила я позабыл, и у меня было полно ошибок при диктантах и разборе предложений. Переживал, но все-таки учился.

Другим моим несчастьем было то, что я сильно дремал на уроках. Причиной тому было раннее вставание. Помню, студенты все еще спят, а я уже тихонечко поднимаюсь, чтобы заучить урок по катехизису или еще по чему-либо. Не забыть мне тех благодатных тихих утренних минут, когда, смотря на нежное сияние утренней зари, я умилялся сердцем и испытывал в своей душе неопишное блаженное чувство.

ство. Помню, особые благодатные переживания доставляло мне чтение Святого Евангелия. Как полезно, спасительно читать Слово Божие в тихом, благодатном уединении! Сколько святых озарений, сколько слез... А потом на уроках спал. Неудобно было: преподаватель говорит урок, а я дремлю и ничего не понимаю. Для того чтобы разогнать сон, я в перемены бегал вокруг храма, особенно зимой. И сон быстро улетучивался, но когда я садился за урок, то опять засыпал...

В первую же зиму, помню, к нам приехал новый Ректор – отец Николай Чепурин, пожилой ученый протоиерей. Добрый был человек. Когда говорил студентам проповедь, всегда плакал. Носил он очки, и вот эти слезы текли из-под очков, обильные отеческие слезы. И проповеди его были потому очень трогательными. Недолго он у нас был. Месяца три, даже меньше. Никогда я, наверно, не забуду того бурного снежного утра, когда мы встали пораньше, чтобы подучить уроки, и у нас во всей школе неожиданно погас электрический свет. Недоумевая и смущаясь, мы сидели во тьме. Вдруг в класс врывается дежурный со словами: "Отец Ректор умер!". Это известие явилось для всех тяжелым потрясением... Когда выносили гроб, на дворе был густой снежный покров. Все студенты со слезами провожали своего доброго Ректора. Много он плакал о нас... Но и немало слез было пролито о нем... Сиротами мы почувствовали себя тогда. И, наверное, потеря дорогого наставника, отца – едва ли не самое страшное горе для человека!

В 1948 году Московская Духовная Семинария и Академия были переведены в Троице-Сергиеву Лавру, под кров Преподобного Сергия. Это было промыслительно. Перст Божий отечески нежно заботился о Московской Духовной школе. Забыл упомянуть, что вначале наша Духовная школа называлась «Богословские курсы», а не «семинария» и не «академия», а потом уже она стала так называться.

Я о начальных годах обучения написал для того, чтобы их не забыть никогда. И еще для того, чтобы всем-всем показать, какой я был плохой и бесталаный (хотя сейчас еще хуже стал – и по летам, да и по грехам).

Вот на новом месте учебы в Троице-Сергиевой Лавре у нас и был первый Инспектор – архимандрит Вениамин. Это был человек большой отважной души. Говорили, что он пришел в нашу Академию прямо из ссылки. Темных дел за ним, конечно, не было, но все-таки он попал в ссылку и там показал себя хорошим человеком.

В нашей школе его сразу все полюбили. Да он и достоин был этого и по внешним, и по внутренним качествам. Высокий, стройный, подвижный, довольно энергичный, с черными, но уже проседью подернувшимися на голове и в бороде волосами. Правильные черты лица, глаза большие, через очки проникающие прямо в душу. И весь его вид представлял настоящего подвижника, аскета. Не забыть мне тех трепетных, благодатных минут, когда впервые увидел отца Архимандрита за богослужением.

Вообще нужно сказать, что, совершая богослужение, человек становится совсем иным. И не потому что он облачается в светлые священные одежды, хотя и это имеет свое значение. Но главное то, что, став на высокое священническое место, став у Престола Божия, человек невольно внешне и внутренне преобразуется, просветляется, делается совсем другим. И мысли-то у него другие, духовные, и чувства, и даже движения, голос. Благодать Божия действует. Это она – сила Божия – вливается в человека. Сам Господь вселяется в его душу, и все делается иным. Даже если священник недостойный, плохо он живет, не постится, не молится, не подвизается, то и тогда благодать Божия действует через него.

А вот у нас в простонародье многие думают, что если батюшка плохо живет, то на нем нет и благодати Божией. В тот храм, где он служит, и идти будто не стоит, потому что там Господь не услышит. Это совсем неверно. Так думать даже грешно, потому что унижается благодать священства и вообще появляется недоверие к самой Церкви Христовой.

Святитель Иоанн Златоуст об этом говорит так: «Недостойный священник, стоящий у Престола Божия, подобен неомытому человеку, который стоит у чистого кладезя и золотым сосудом черпает живительные струи. Черпает и раздает эту чистую воду другим». Вода остается кристально чистой и святой, кто бы ее ни раздавал. Так точно и недостойный священнослужитель. Будь это епископ, или священник, или диакон. Надо, чтобы была нерушимая вера в Бога, в Свя-

тую Церковь, в таинства, и люди будут спасаться всегда.

А еще хочу напомнить, что диавол ничего так не хочет, как разделить пастыря и народ. Он хочет, чтобы люди потеряли к своему пастырю всякое доверие, всякую любовь. И тогда диаволу очень легко погубить этих людей.

Я пишу об этом потому, что в наше время многие думают: «Раз батюшка плохой, то и в Церковь не пойду, лучше дома помолюсь». Это самое настоящее бесовское наваждение. Оно губительно. Оно ведет к самому страшному – сатанинской гордости, когда теряется вера сначала к одному, потом к другому, к третьему, а затем ко всем священнослужителям. «Все они такие стали хапуны, да обжоры, да пьяницы», – так вот и говорят. А неверующие еще больше смеются над Святой нашей Церковью Православной. А сатана прыгает от радости. Сохрани Господи каждого от такого состояния! Лучше в смирении прийти в храм Божий, какой бы батюшка там ни служил. Прийти да встать в уголочек, да помолиться, поплакать о своих грехах и о грехах всех людей. И о том особенно поплакать, что времена-то стали какие! Соблазнов сколько везде, даже в храме Божиим! О батюшке лучше помолиться, чтобы Господь его исправил, образумил, сделал хорошим и добрым пастырем. Вот такая смиренная молитва будет угодна Господу, и Церковь наша Святая будет крепнуть, объединяться, сплачиваться.

Я отвлекся немного от главной темы. Но считаю это тоже немаловажным. Потому и написал об этом в связи с воспо-

минаниями о богослужении отца архимандрита Вениамина. Как он служил! Как трепетно, как благодатно! Собранный, сосредоточенный, просветленный. Голос проникновенный, возгласы ясны, слова прочувствованны. Движения плавны, благоговейны. Чудилось, будто светлые благодатные волны, как легкие воздушные облака, плывут, плывут из священного алтаря в народ, расходятся, растворяются, как благовонный фимиам, по всему храму, и... сердце чувствует неизреченную радость, блаженство. Вот так служил отец архимандрит Вениамин. А служил он часто – каждое воскресенье и каждый праздник.

Хочется рассказать еще о том, как он, обратясь к народу, говорил проповедь или отпуст. Проповедь он говорил всегда с крестом, по окончании Литургии. Подняв крест над самым лицом своим, он говорил *слово*. Впечатление было непередаваемое. Через крест с Распятием Христа лилась дивная богодухновенная речь. Лицо архимандрита Вениамина светилось каким-то тихим сиянием. Ясный и звучный голос, баритон, волнами расходился по храму и слышался в каждом уголке и... в каждом сердце.

В те годы (1948–1950) собственного храма Духовная школа не имела, поэтому на службу ходили в лаврские храмы. Семинаристы и студенты Академии в храм шли рядами по два человека. Это было довольно трогательное зрелище. Верующие смотрели на пеструю (костюмов специальных тогда еще не было) длинную цепочку, и умилялись душой, и пла-

кали.

Отец Архимандрит жил в лаврской келии. Это был небольшой уголок с бедной обстановкой. В переднем углу – много икон, горит неугасимая лампада. Небольшой стол, стул, книги и кое-что из необходимых вещей и принадлежностей. А внутренняя келейная жизнь, ночные молитвенные часы, слезы – кто их может описать? Кто их видел? Кому они ведомы?.. Да, можно не сомневаться, что малая и убогая келейка много видела тайных подвигов, сокровенных трудов, Богу одному ведомых, которые совершал архимандрит Вениамин в тиши глубокой ночи. Утром его всегда можно было видеть идущим на братский молебен, собранным, с несколько бледным, строгим лицом. А затем шел он в Духовную школу, чтобы вновь и вновь отдать все свои силы на великое дело воспитания молодых пастырей.

Отец Вениамин занимал кафедру Пастырского богословия – предмет довольно трудный, сложный, тем более что по этому предмету было очень мало пособий. Отец Архимандрит вел свой предмет умело, с любовью. Студенты Академии всегда его слушали с захватывающим интересом и вниманием. Читал он свои академические лекции, сидя за кафедрой. Лицо освещала добрая улыбка. Речь лилась плавно, четко, а лекции имели аскетический уклон и были необыкновенно увлекательными. Студенты их любили и слушали с затаенным дыханием. После отца Вениамина остался сборник лекций по Пастырскому богословию. Читал я их. Чу-

десные лекции. Глубокие, прочувствованные, душевные. Думаю, что, питаясь дивным содержанием этих лекций, многие, многие студенты стали теперь добрыми пастырями и выполняют успешно, во славу Божию, свой великий пастырский долг.

Вспоминается мне одна из многих проповедей отца Вениамина, сказанная им в виде беседы после обеда в академической столовой. Дело в том, что до 1952 года в Академии был один замечательный обычай, который теперь упразднен: когда студенты приходили на обед, то непременно был с ними и отец Инспектор. Он наблюдал за порядком, за подачей пищи – словом, за всем, что было нужно. Когда заканчивался обед и умолкал чтец Житий святых, начинал говорить отец Инспектор. Он обычно говорил какое-либо назидание – или на тему праздника, или относительно дисциплины, или делал какие-нибудь сообщения. И вот помню я, как сейчас, содержание проповеди отца Инспектора, кажется, чуть ли не на праздник Воздвижения Креста Господня. **Он говорил о Кресте.** Крест – наша сила, наше украшение, наша радость. Жизнь христианская крестна. Любовь христианская, и особенно пастырская, сугубо крестна, да и вся Вселенная создана во образ креста. Север, Юг, Восток, Запад.

Мы живем в кресте, с крестом и крест носим в себе. На Кресте распят Христос Спаситель за нас грешных, мы должны распинать свою плоть греховную за Христа Бога нашего. Крест – «ангелов слава, демонов язва...».

Это слово о кресте мне врезалось в память на всю жизнь. Да, отец Инспектор любил говорить о кресте. Он, видимо, горячо хотел внедрить в юные сердца студентов смысл крестной пастырской жизни. Он хотел, чтобы юные пастыри не боялись креста и крестных жизненных страданий, но желали всей своей юной душой этих страданий. Он хотел показать, что в кресте самое высокое счастье человеческой жизни. И что чем больше человек страдает за имя Христа Распятого, тем он больше проникается великой радостью и счастьем. Святые Мученики! Они шли на страдания за имя Христова, и лица их сияли брачным веселием. Да ведь и у каждого христианина, не только пастыря, жизнь крестна, жертвенна. А вот мы, наоборот, ничего так не боимся, как страданий, ничего так не избегаем, как их. Мы боимся, выходит, Креста Христова. Не понимаем его Красоты и Сладости. Избегаем крестной жизни.

Вот я пишу эти строки, и мне вспоминается рассказ одной почтенной женщины, которая говорила следующее. Она ухаживала за больной монахиней, или даже схимонахиней. Эта болящая уже несколько лет лежала на одре. И вот однажды, когда в комнате никого не было, кроме них двоих, болящая тихонько подозвала эту женщину и на ее глазах открыла на себе одеяло до половины. Там у ее ног лежала труба, ну, может быть, с полметра длиной. Толстая железная труба. Подтянув ее поближе, больная выдернула тряпку из одного конца этой трубы, и... что же там оказалось?.. Пачки денег.

Много, много денег. Ужас охватил женщину. Она чуть не убежала из дома. «Матушка, – сказала удивленная женщина, – да ты бы лучше раздала эти деньги в монастыри, и там бы за тебя молились! А то вот умрешь, и твои племянники пропьют их и прогуляют». Но матушка как-то неохотно соглашалась на эти слова доброй женщины и, заткнув трубу грязной тряпкой, снова натянула на себя одеяло.

Вот тебе и крестная жизнь. Сколько страданий несет человек, сколько мук, и змий сребролюбия рано или поздно задушит несчастную жертву... Боже, сохрани нас всех от этого! Я говорю о том, что крестная жизнь требует от нас полного вручения себя воле Божией, безграничной надежды на Него, а не на прах и пепел.

И вот, как учил нас отец Инспектор крестной пастырской жизни, так он и сам шел путем крестоносца, да и умер, как великий страдалец. Был тихий майский вечер. Солнце, купаясь в огненно-фиолетовых лучах, уходило на закат. К главным воротам Духовной школы подошла легковая автомашина. Усталый и озадаченный, вышел из нее отец Инспектор. Он благословил собравшихся и быстро удалился в свою квартиру (он уже жил в Академии, в отдельной комнатке). Буквально через три минуты после приезда по всем уголкам школы поползли слухи: отец Инспектор скоро будет епископом.

Значит, мы скоро лишимся своего любимого наставника, скоро его не будет среди нас, скоро... Весть оправдалась.

В следующий воскресный день архимандрит Вениамин был рукоположен во епископа города Саратова. Ходили настойчивые слухи, будто отец Инспектор долго отказывался от епископства, указывал на свои седые волосы, на свое слабое здоровье, но все тщетно. Так дорогой наш Инспектор стал, волей Божией, ученым Владыкой. Наутро после хиротонии, когда он прощался со своими любимыми питомцами, все увидели, что Владыка Вениамин стал совсем-совсем седым.

Это было примерно в 1953 году. А почти через год до Академии дошли печальные, страшные новости: Владыка Вениамин скоропостижно умер в г. Саратове. Случилось это так. Когда Владыка покидал родную Духовную школу, то тогда еще говорил окружающим его: «Нет-нет, мне скоро умирать, непременно, да-да, скоро, скоро». Говорили, что в Саратове очень плохо встретили нового Владыку. Особенно враждебно отнеслось к нему городское духовенство. Сразу же по приезде под Владыку стали «подкапываться», измышлять всякие обвинения, поднимать все прошлое, что было и чего совсем не было. Особенно не понравилось местному духовенству строгое поведение Владыки, его требования исправить среди клира разные грубые недостатки. Не понравилось это «изгулявшимся» батюшкам, и они решили его во чтобы ни стало «съесть». Ровно через год, полагаю, что в 1954 году, Владыки Вениамина (Милова) не стало. Он ярко горел и угас, как свеча. Быстро сгорел, потому что сильно пламенел.

Вследствие постоянной травли, нервных переживаний,

бессонных ночей и прочих архипастырских трудов не выдержал организм святителя, и... он склонился, как спелый колос, погас, как небесное светило...

И на моей памяти это была первая оперившаяся светло-чистая голубка, возвращенная под кровом Преподобного Сергия, благодатно окрыленная в Доме Святой Троицы. Она, увенчанная ореолом мученическим, молнией взмыла от земли на Небо. А там?.. Верим, что там она присоединилась к светлой стае других душ, ранее взлетевших из Дома *дольней Троицы* к Троице Горней, чтобы и там, в Небесной Обители Бога Отца, вечно парить в лучах неизреченного света, радости, счастья и неопишуемого блаженства. Стремительный взлет на Небо... Остался светлый след, не тускнеющий, не изглаживающийся временем. «Твоею бо *стезею*... ходи-ти познахом». Какая светлая стезя! Начинается она на земле от дня рождения, потом – путь скорбей, испытаний, тревог, озлоблений. Затем ведет эта стезя чрез пропасть смерти, вернее, чрез победу над смертью. И – стремительный, полный неизведанных тайн взлет в область Вечного Света.

О Сергей Преподобный, велико твое духовное окрыление, велика и спасительна твоя стезя жизни! Научи и нас ходить твоею стезею, ведь и мы – твои ученики. Может быть, дальние, по своим многим грехам, но все же твои. Окрыляй и наши души, чтобы и нам окрепнуть духом и подняться выше земных страстей, скорбей, опасностей и потом воспарить туда же, ввысь...

Кроткий батюшка Архимандрит Маврикий (Михаил Яковлевич Томин) (1891–1953)

*Возбранный от Царя сил
Господа Иисуса, данный России
воевода и чудотворче предивный...
(Акафист Преподобному Сергию)*

Это было очень и очень давно. Среди вечного небесного света, среди вечной тишины, среди дивной небесной гармонии жизни зародился вихрь буйной зависти, как смертоносный яд в благоухающей середине дивного цветка. Тогда сердце Верховного Денницы вмиг вздрогнуло, затянулось мраком злобы против Бога Вседержителя, и он, гневно и завистливо взирая на сидящего на Престоле Вечного Бога, сказал: «Выше звезд поставлю престол мой и буду подобен Всевышнему...». Сразу все как будто замерло... омрачилось, затихло, затуманилось, вдруг задрожало... затрепетало... от Престола Славы засияли молнии пламени и огня... Ангелы и Небесные воинства на миг от страха закрыли свои очи...

Вдруг, пылая огнем ревности по славе Божией, явился, как гора, Архангел Михаил. Он поднял к небу свою могучую десницу, и его уста, как гром, изрекли: «Кто яко Бог

наш...» Сразу мрак, на миг будто победивший свет, сполз, как змея. Сияние лучей правды вновь залило Вселенную. Гармония небесной жизни опять воцарилась, и дивно заиграл гимн неизменной любви к Богу. Верные ангелы засияли еще светлее. Несчастный Денница, сын зари, возомнивший себя богом, со всем своим исчадием бесов исчез, как дым...

Это было очень и очень давно. Но это было, и было непременно. Денница, восставший на Бога, теперь низвержен в глубину, а Архангел Михаил с Небесным воинством неизменно служит в вышине Вечному Богу... Какое чудное имя – Михаил! «Михаил» в переводе на русский язык значит «кто как Бог наш», или «кто может быть равен Богу нашему».

Кроткий батюшка, о котором будет идти речь ниже, в миру звался Михаилом. Михаил Яковлевич Томин, в монашестве архимандрит Маврикий, родился в 1891 году. В Троице-Сергиеву Лавру прибыл одним из первых по ее открытию, в 1945 году.

Как кроткие невинные голуби вновь слетаются после бури, так один за другим приходили в Лавру иноки, когда ее открыли после второй мировой войны. Мне пришлось видеть снимки развалин и разрухи в Троице-Сергиевой Лавре во время открытия. Это было что-то ужасное. Храмы, башни, стены монастыря, здания, корпуса, часовни – все в полуразвалившемся состоянии. Всюду валялись камни от стен, кирпичи, песок, взрытая кем-то земля. Нельзя было пройти свободно, чтобы не споткнуться, не упасть и не разбить себе

голову. Такова была Лавра в 1945 году.

Отец Маврикий тихо шел с котомочкой за плечами по направлению к Сергиеву монастырю. Это был человек старше средних лет. Роста также среднего. Подержанная ряска покрывала его тело. Рваные сапоги на ногах. Вид у него был бодрый, на лице даже играла благодушная улыбка. Еще бы: ведь *Москва* дала ему разрешение поселиться навсегда в открывшемся знаменитом монастыре Преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. Он и раньше слышал об этой славной обители. И вот теперь ему после долгих скитаний Господь судил остаток дней прожить здесь. Повернув за угол, он неожиданно остановился. Рука его невольно потянулась к старой шапке. Сняв ее, медленно перекрестился. «Боже ты мой, – зашептали уста, – Лавра, Троице-Сергиева Лавра». Впереди, километрах в полутора, на холме стояла Лавра. Даже в руинах она была красива! Как человек в страданиях делается более человечен, более нежен, более чуток, более чист, так святая Лавра Преподобного Сергия, испытав многие годы запустения, в этот момент выглядела великомученицей, прекрасной страдальницей. Она была вся залита солнечными лучами тихого утра. Восходящие лучи переливались сиянием цветов на куполах и крестах лаврских храмов. Лавра, Троице-Сергиева Лавра... Как зачарованный, стоял путник, с восхищением взирая на нее. Затем он утер слезы радости, струившиеся по его щекам, и тихо двинулся к святой обители...

Я был еще студентом, когда в первый раз встретился с архимандритом Маврикием во дворе святой обители. В то время он был благочинным Лавры. И, кажется, приняли меня послушником в Лавру через его ходатайство.

Мне хочется здесь остановиться и вспомнить о моем приходе в Троице-Сергиеву Лавру, подробнее описать поступление мое в монастырь, как описал я уже кое-какие подробности своего прихода в духовную школу. Ведь это тоже был решающий момент в моей жизни, который забыть никак нельзя.

Помню, как я с трепетом в душе в первый раз вошел во двор монастыря. Всюду велись восстановительные работы. Наместник Лавры, архимандрит Иоанн (впоследствии Архиепископ Псковский и Порховский) бегал по двору во весь дух. Это был человек большого размаха и огромной энергии, человек доброй души и крепкого атлетического телосложения. Помню, я его больше всех боялся. Однако он принял меня очень любезно, внимательно выслушал мое пожелание – быть послушником в Троице-Сергиевой Лавре и выполнять любое послушание, хотя даже самое последнее и низкое.

О монастырской жизни я думал очень давно. Когда был еще чумазым мальчуганом, много читал о подвижниках благочестия. Конечно, и о Сергии Преподобном тоже читал. Читал и о другом русском подвижнике, Преподобном Серафиме Саровском. Помню, в нашей крестьянской избе на стене

висела большая картина, где Преподобный Серафим, сидя на пне, кормит из своих рук огромного бурого медведя. Моя мама, когда она была еще шестнадцатилетней девочкой, ходила на богомолье в Саровскую обитель со своей мамашей, моей бабушкой, и вот тогда еще и принесла из Сарова домой, в свою деревню, эту дивную картину. Я всегда восхищался этой картиной и, конечно, в своей маленькой душе хотел подражать Саровскому чудотворцу. Были у нас картины и о Преподобном Сергии. Ведь он тоже водил дружбу с лесными зверями. О Радонежском чудотворце я читал в «Троицких листках» – довольно потрепанном сборнике разных статей. Вот там, на обложке, я и видел Сергия Преподобного, тоже одиноко сидящего в лесу и кормящего медведя. С тех детских лет в моем сердце и затаилось горячее желание монастырской жизни и монашеского подвига.

Надо сказать, что особое влияние имел на меня и на всю нашу семью один святой жизни иеромонах, по имени **Нифонт**. Он вначале был в монастыре, а потом его перевели на приход – небольшой хутор, от нас километрах в двенадцати. Этот святой батюшка бывал и в нашем доме. Про него ходили дивные слухи. Он исцелял разные болезни, прогонял бесов, восставлял недужных. Потом он умер мученически в тюрьме. Однажды, помню, по случаю какого-то праздника батюшка Нифонт был в нашем доме. Было и человек десять-двенадцать его почитателей. Сидели все тихо и пели стихи. Батюшка подпевал легким баском. Он смотрел на сво-

их духовных чад необыкновенно добрыми глазами, чистыми, как лазурь неба.

Мне тогда было не больше восьми лет. Помню, залез я за печку (вернее, это была железная голландка, как называли ее в нашей местности) и очень боялся показаться на глаза. Батюшка Нифонт заметил меня и зовет: «Вася, Вася, иди-ка сюда». Я еще дальше залез. Но меня оттуда вытащили. Помню, отбивался, но не кричал, хотя страшно было. Батюшка приглашал меня к себе, спрашивал, пойду ли я в монастырь. Не помню, говорил ли я что-нибудь батюшке, наверно, ничего не говорил. Перепугался. И снова забрался за голландку. Оттуда все выглядывал, смотрел на батюшку, как на Господа. Святой он был человек, вот я и боялся. Прошло уже более 40 лет, а я все помню батюшку Нифонта и глубоко уверен, что живу только его святыми молитвами. Да и священство-то получил только по его великому ходатайству. Святой был батюшка. Несомненно. А смерть его была какая!

За то, что к нему шло много народу, его изолировали – посадили в Сызранскую городскую тюрьму, да, чтобы ему было плохо, посадили с уголовниками. Они смеялись над ним, издевались. А когда батюшке приносили передачи, то они все поедали, ему ничего не давали. Да, видимо, он и сам, если что имел, все отдавал им. Тихий был, безответный, беззащитный. Настоящий агнец. Потом он заболел, занемог и, так как был слаб здоровьем, скоро и скончался. К нему никого не пускали. Одна преданная его почитательница следила за

ним, поселившись рядом с тюрьмой. Темной ночью видит: открываются тюремные ворота, и выезжает телега, на которой вывозили умерших заключенных и сваливали в большую яму, выкопанную за тюремной оградой. Она увидела эту телегу, на которой рогожей был покрыт умерший батюшка, рванулась за ней. Умоляла отдать хоть умершего, чтобы похоронить его как положено. Плакала, тащилась, ухватившись за телегу. Так и не отдали. Свалили в общую яму и зарыли. Вот так умер наш дорогой батюшка Нифонт.

Помню, незадолго до его смерти мы с мамой пришли к нему в тюрьму. Пришли за шестьдесят километров. Пешком шли. Лесами, степями, по грязи, в дождь, ночью. Принесли ему «пышков» деревенских, «лепешков» сушеных. Не забыть мне этих мрачных стен и огромного тюремного здания. Все, что принесли, а также маленькую записочку, передали в проходную. И вот, минут через двадцать, смотрим – в одном окне четвертого этажа тюрьмы открылась маленькая форточка, показалась рука и помахала нам... Вот и все. Мама стояла и плакала, а я – не помню, что делал, наверное, не плакал, а только смотрел. А вот сейчас, вспоминая, плачу. А тогда не плакал. Не понимал многого.

А еще доброе влияние оказал на меня Архиепископ **Филипп** (Астраханский), ныне уже почивший. Батюшка Нифонт имел влияние на мое детство, а владыка Филипп – на юность. Владыку я встретил в Астрахани, где он был на кафедре, а я работал. Жил я тогда вдали от своей родной се-

мый, у одной благочестивой пожилой вдовушки. У нее была дочь-институтка. Все уроки зубрила, помню. Как я узнал потом, эта старушка имела тайное желание выдать свою дочку за меня замуж. Я как-то этого ничего не понимал.

Жил у нее, платил за квартиру. Боялся по половине пройти. В воскресные дни ходил в Покровский собор молиться. Там и познакомился с Владыкой Филиппом. Да, вернее, не сам познакомился, а благодаря этой вдовушке, у которой я жил. Она такая дотошная была, везде знала дорогу. А познакомила-то как! Она просила у Владыки благословение на брак своей дочки со мной. Владыка сказал: «Лиде нужно докончить институт, а Васе идти в семинарию». Спасибо ему, дорогому Владыке. Сам Господь через его святые уста указал мне путь жизни.

Святые уста... Да, и этот человек. Владыка, как и батюшка Нифонт, был святой. Раньше он находился в долголетней ссылке, а потом, по возвращении, был послан в Астраханскую епархию. Много говорили дивного про его святую жизнь. Помню, проповеди он говорил – всегда плакал. Голосок был тонкий-тонкий. Наверное, первый тенор, как по-нашему называют, или даже выше. И смерть его была почти мученическая. Умер в московской больнице. А похоронен сейчас в северной стене Успенского собора в Астрахани. Тот же святой человек был. Несомненно. Вот он-то и послал меня учиться в духовную школу. Знал он, что я совсем непригодный, никуда негожий, а все-таки послал.

Надеялся, видимо, на благодать Божию, что она «обтечет» этот негодный, угловатый камень и положит в здание Церкви Божией.

По молитвам этих святых людей я и попал в стены Троице-Сергиевой Лавры. Да еще к этим святым молитвам прибавилась молитва моей родной мамы. Могу ли я умолчать о ней! Кажется, ей-то я больше всех обязан. Ведь она – мать. А какие были ее молитвы! Но сначала о ней самой.

Мама моя была тихого и кроткого нрава, совсем неграмотная. Но какая светлая душа! Какое терпение! Какое молчание! О, если бы было больше таких матерей! Жили мы не очень бедно, но и совсем не богато. Домишко в селе. Лошаденка с коровенкой во дворе. Куры с петухом на задах, полоски посева в разных местах. А потом ничего этого сразу не стало. И домишко-то отошел другим. А мы оказались в казенном бараке, где миллион и триллион клопов. Сколько я помню маму, она всегда была больная, но все умела переносить молча. Это была мученица жизни, бывало, не ест, не пьет целыми днями. Лежит и не охает, только все вздыхает, и глаза полны страдания.

«Мама, что болит?» – спросишь.

«О, сыночек, все болит, все ноет», – тихо ответит, и глаза затуманятся слезой.

Когда уже я учился в семинарии, ездил на каникулы домой. Помню, последний раз (наверное, в 1949 г.) приехал, а мама заболела, да сильно-сильно. Лежит на коечке и отвер-

нулась к стене.

«Мама, ты опять болеешь?» – спрашиваю.

«Да, сыночек, – отвечает тихо, – но мне теперь не страшно умирать: как вспомню, что мой сынок учится в семинарии на батюшку, так сердце мое как будто **маслом обольется**» (ее выражение, то есть на сердце у нее радость появлялась, когда вспоминала, что я учусь в Духовной школе).

А сколько она перенесла скорбей! Семейных, личных... Умерла тихо, благодатно, с именем Матери Божией на устах. Сидела на скамеечке у стола, облокотясь, и все повторяла: «Матерь Божия, Матерь Божия». Потом вдруг одна рука дрогнула, локоток согнулся, и головка упала на стол. Ни звука, ни стона. «Мать, мать!» – позвал ее вошедший папаша. Но она уже *уснула*. Положили на кровать. Лицо ее сияло все сильнее, сильнее. Потом папаша говорил, что никогда, даже в юности, не видел ее такой светлой и красивой, как при смерти. Тоже мученица была и праведница. Я не видел смерти мамы, но папаша в письме мне об этом писал, плакал и писал, слезы падали на письмо, и оно было все в слезах. Письмо это и сейчас хранится у меня.

А как она умела молиться! Два сына ее были в пекле войны. Сколько они видели смертей!.. А вот ведь вернулись невредимыми. Вымолила. Помню, когда я еще приезжал на каникулы домой, то ночью случайно приходилось просыпаться. И всегда, как ни просыпался, слышал тихий шепот молитвы. Она ночью молилась. И так целыми ночами. О эта

материнская молитва! В воде не тонет и в огне не горит. А как она сильна, эта материнская молитва! Кажется, ничто не может сравниться с ней. Вот поэтому как надо молиться матерям о своих детях! Тем более теперь, когда дети находятся в бурном житейском море, да без молитвы, без креста на груди... А у нас бывает совсем по-другому. Дети непослушны, грубы. Мать обижена, ропщет, нервничает, ругает, проклинает. А ведь надо молиться, да молиться усердно, настойчиво. Я говорю не только о матери мирской (по плоти), но и о матери духовной. Как ей-то тоже надо молиться за своих духовных детей! Молиться, усердно, дерзновенно, настойчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.